

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

РОМАН
РОНИН

НИНДЖА

С ПУБЯНКИ

В сводках не сообщалось...

Роман Ронин
Ниндзя с Лубянки

«ВЕЧЕ»

2017

Ронин Р.

Ниндзя с Лубянки / Р. Ронин — «ВЕЧЕ», 2017 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4444-8856-0

В романе описаны реальные события, связанные с деятельностью особо законспирированного советского контрразведчика Арсения Чена по кличке Марейкис, который использовал в своей работе приемы в стиле знаменитых шпионов древности – ниндзя. Среди его агентов были офицеры и генералы японской армии, а излюбленными методами – кража секретных документов из сейфов японского посольства в Москве и привлечение к работе широкой сети специально подготовленных русских женщин. Он был арестован во время сталинских репрессий, но выжил, сумев обмануть ежовских следователей. В то же время японская разведка считала его своим самым ценным агентом в СССР.

ISBN 978-5-4444-8856-0

© Ронин Р., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава 1. Сбежавший Профессор	9
Глава 2. Погоня	16
Глава 3. «Золото, бриллианты...»	22
Глава 4. Корейский мальчик	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Роман Ронин

Ниндзя с Лубянки

© Ронин Р., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Апрель 1937 года. Москва, Лефортовская тюрьма НКВД

Безвольно валяющееся тело за руки и за шкуру когда-то красивого и дорогого заграничного пиджака подняли с залитого кровью и мочой пола. Кое-как посадили на привинченную к полу табуретку, плеснули в лицо воды из стакана. Она быстро стекала, смешиваясь с кровью, быстрыми ручейками заструившейся из разбитых бровей, носа, рта. Глаз у человека видно не было – две узкие щелки на худом желтоватом лице с черными кровоподтеками. Разбитые губы распухли и казались двумя высунувшимися изо рта алыми булками. Говорить поднятый с пола не мог и, придя в сознание, лишь еле заметно пошевелил ими.

– Чего?! Чего ты там шепчешь, шпионская сволочь? – снова заорал уставший, потный с головы до пят следователь Вульфсон, сжимая в волосатых руках с короткими, такими же волосатыми и сильными пальцами, резиновую дубинку. Отошел назад, размахнулся, выбирая взглядом куда ударить, но, приглядевшись, остановился. Головой человек на табурете мотал не отрицая, не из стороны в сторону, как это делал до сих пор и с того момента, как потерял силы говорить, а сверху вниз – как будто с чем-то соглашался. Вульфсон опустил дубинку, подошел поближе, взгляделся в разбитое лицо и радостно улыбнулся.

– Никак, созрел? Ну наконец-то! Умаял ты меня, старший лейтенант, умаял. Я таких упертых давно не видел, – Вульфсон кивнул напарнику, сидевшему за столом: – Давай, Ноздренко, записывай.

Арестованный снова кивнул и едва-едва пошевелил губами-булками. Следователь налил из графина воды в стакан и, стараясь не подходить особенно близко, чтобы не испачкаться в крови, хотя его галифе и без того были покрыты мелкими бурыми пятнами, на вытянутой руке прислонил стакан к распухшим губам избитого человека. Тот сделал пару судорожных глотков, с трудом всасывая и сглатывая воду, глубоко вздохнул. Вульфсон удовлетворенно кивнул и продолжил допрос:

– Начнем сначала. Говори, сука косорылая, кто из японцев тебя завербовал! Огата? Охаси? Когда и где?

Арестованный поднял голову и мотнул головой, на этот раз явно что-то отрицая. Но не успел следователь возмутиться и схватиться за палку, как избитый начал хрипло, тихо, но вполне понятно, время от времени сглатывая кровь и постепенно обретая силу, рассказывать:

– Никто. Меня не вербовали. Вербовал я. Я не тот, за кого меня принимают. На самом деле я японец. Я – японец. Моя фамилия Ода. Барон Такэюки Ода. Я сын бывшего посла Великой Японии в России и... министра иностранных дел империи. Я – настоящий резидент японского Генерального штаба в Москве. Я... был заброшен в Россию еще в семнадцатом году. Цель – внедрение в русскую контрразведку. Это правда. Доложите обо мне Ежову и Вышинскому... Воды. Мидзу-о кудасай... – и арестованный, как в бреду, перешел с русского языка на какой-то другой, неведомый людям с окровавленными по локоть руками. Вульфсон ошарашенно посмотрел на Ноздренко. Тот в ответ лишь растерянно развел руками. Резиновая палка скатилась со стола и упала на пол. Вслед за ней разговаривавший было арестант закатил глаза к прокуренному потолку и снова рухнул с прикрученного к полу табурета.

Октябрь 1895 года. Королевский дворец в Сеуле

Невысокий человек с красивым узким лицом и седыми обвисшими усами, в японской одежде – кимоно и широких штанах-хакама, с половинкой старинного лука, оплетенного золотым шнуром, в руке решительным шагом вышел в центр маленького, почти квадратного двора перед женской частью дворца и властно оглянулся. Две калитки, ведущие во двор, уже были взяты под охрану японскими солдатами с винтовками Арисака в руках. Командовал солдатами начальник караула – маленький, худой и очень быстрый. Правую руку он решительно положил на эфес сабли, левой придерживал ее ножны. Весь вид его выражал готовность в мгновение ока обнажить клинок и броситься в атаку по сигналу господина со странным луком в руке, но пока он лишь напряженно следил за своим начальником и людьми во дворе. Толпа корейцев – придворных разных рангов, прислуги, поваров, посыльных, все в чудных длиннополых платьях и нарядах, в высоких шляпах – молча и синхронно покачивалась с потупленными в землю взорами, в ужасе ожидая действий, которые должны были неминуемо произойти, не издавая при этом ни звука. Через ворота скорым шагом, толкаясь плечами на узких дорожках, вошли еще два взвода солдат. Через южные – японцы во главе с командиром, занявшим место рядом с худым офицером. Через восточные ворота вошел отряд корейской придворной гвардии, возглавляемый столь же решительным японским лейтенантом, вставшем, однако, поодаль. Как только военные построились в две шеренги по периметру двора и замерли, следом за ними вбежали, вздымая соломенными сандалиями пыль, человек тридцать молодых японцев. Одеты они были так же, как и узколицый, в кимоно, но в руках держали уже обнаженные мечи. За ними быстрым шагом вошел еще не старый, но лысоватый японец в европейском сюртуке, в кругленьких очечках в металлической оправе, окладистой, но аккуратной бороде, штиблетах огромного размера и тоже с обнаженным мечом в руках – таким же, как и у людей в кимоно. Вопросительно взглянул на узколицего. Тот кивнул, человек в сюртуке коротко поклонился в ответ и, обогнав меченосцев, повернулся к ним лицом. Они остановились как вкопанные. Лысый решительно указал мечом на вход в покои.

Японцы в хакама с криками и визгом бросились внутрь. Несколько минут во дворе царила страшная, мертвая тишина. И вдруг изнутри раздался душераздирающий вопль, ставни распахнулись, и в окно высунулся один из вбежавших внутрь японцев. Он еще раз издал пронзительный крик, глянул на человека в сюртуке и отпрянул. В ту же секунду ставни, качнувшись было назад, с треском разлетелись в стороны, так что одна сорвалась с петли и безвольно закачалась на оставшейся. В открытое окно без единого звука головой вперед выпало тело, облаченное в придворное женское платье. Женщина свесилась вниз безвольным мешком – она была уже мертва. Ее волосы были растрепаны, а лицо разбито до неузнаваемости и залито кровью – так, как будто ее тащили за волосы по полу, и она билась головой о ступени. Из дверей павильона выскочил другой японец, подскочил к убитой, выдернул ее из окна и, бросив наземь, дважды воткнул меч в распростертое тело. Резко развернувшись и издав точно такой же вопль, как и его товарищ, снова вбежал в здание. В тот же миг весь дворец огласился страшными криками, и из двери, обращенной во внутренний дворик, одно за другим стали вытаскивать женские тела в роскошных платьях, с залитыми кровью лицами и с растрепанными волосами.

Ответный вопль ужаса потряс издали корейцев, сгрудившихся во дворе. Расширившись от страха и стыда глазами они наблюдали чудовищную картину. Офицеры, командовавшие взводами, покосились на узколицего. Он стоял в тени и молча наблюдал за происходящим. Тогда инициативу взял на себя человек с окладистой бородой. Скомандовав что-то гортанное, он подождал, пока солдаты быстро перестроились в одну длинную шеренгу и остановились, поставив винтовки в положение «к ноге». Толпа в ужасе замерла, однако второй команды не последовало. Все время, пока дворец оглашался нечеловеческими криками и время от времени из окон выбрасывали таких же растрепанных женщин (ни одна из них не издала при этом

ни звука). Бородатый человек в сюртуке спокойно подходил к каждой, внимательно вглядывался ей в лицо и маленьким серебристым карандашиком делал какие-то пометки в элегантном кожаном блокнотике.

Так прошло около четверти часа. Во дворе валялось два десятка безжизненных тел, а столпившиеся посреди него придворные, которых набралось человек триста, не кричали и не молчали, а тихо, без слез, подвывали, ожидая своей участи. Средних лет кореец, крепко державший за руку круглолицую, миловидную женщину, посторонился, давая дорогу выбирающемуся из центра группы придворных иностранцу явно европейского происхождения, с остроко-нечной бородкой. Европейец сразу направился к узколищему, не обращая внимания на человека в сюртуке, с удивлением уставившегося ему вслед. Кореец, державший за руку жену, услышал, что иностранец заговорил по-английски, витиевато и очень вежливо:

– Я русский архитектор, моя фамилия Субботин, и я весьма сожалею, что я совершенно против своего желания и воли попал в это место. Боюсь, что при том возбуждении, в каком находятся все эти японские джентльмены, – и бородатый указал глазами на японцев, выскочивших из павильона и за волосы стаскивающих корейнок, складывая их в линию, – находиться тут постороннему человеку небезопасно, а потому я имею честь обратиться с просьбой оказать мне ваше покровительство и защиту.

Узколищий молча, ничем не подавая вида, что он вообще понимает английский язык, с минуту внимательно смотрел на бородатого, а потом вдруг ответил:

– Вы защищены. Стойте здесь и не двигайтесь, – и собрался шагнуть обратно в тень. Бородатый русский, однако, решительно двинулся за ним:

– Благодарю вас, но прошу дать мне одного или двух солдат ввиду того, что другие японские джентльмены, – бородатый указал глазами на суетящихся людей в хакама, – могут не знать, что я имею удовольствие быть под вашим покровительством.

В это время внимательно наблюдавший за разговором человек в сюртуке подошел к узколищему и что-то шепнул ему на ухо. Тот согласно кивнул и отвернулся от архитектора Субботина. Сюртук немедленно гаркнул что-то другим японцам, и они подбежали к нему. Он же, подойдя вплотную к русскому, обратился к нему на плохом английском языке:

– Вы архитектор? Вы строить по приказу королевы Цин?

Русский побледнел и судорожно кивнул, в страхе пятясь назад.

Бородач в сюртуке схватил архитектора за лацкан и потащил к выложенным у порога дворца трупам:

– Ты знать королеву в лицо?! Покажи! Покажи, где есть королева!

Остальные японцы, вложив ножны в мечи, окружили их кольцом. Кто-то держал русского за локти, кто-то переворачивал лица убитых женщин и вытирал с них кровь задранными подолами их же платьев. Наблюдавший за происходящим кореец почувствовал, как пальцы его жены впились в его ладонь. Его самого трясло, и он уже почти ничего не видел, а только слышал одно и то же, все время повторяющееся:

– Покажи королеву! Покажи королеву! Ты знать королеву?!

Русский в ответ кричал по-английски, что он мужчина, а потому не имел доступа в покои и никогда не встречался с королевой, получая от нее только письменные распоряжения. Шум усилился. Кореец открыл глаза и увидел, как разъяренные японцы потащили архитектора к выходу со двора, приподняв его на руки так, что у него не было возможности даже замедлить ход. За ними вслед стремительно вышел человек в сюртуке, а затем, уже неторопливо, исполненный собственного достоинства, узколищий с половиной лука в руке, пользовавшийся им как тростью.

Солдаты остались стоять, молча наблюдая за толпой обезумевших от горя придворных. Кореец перевел глаза на вереницу трупов и остановил взгляд на женщине, лежавшей в самой середине, – у нее были особенно длинные волосы, и она была поразительно похожа на его

жену. Пухлые губы корейца почти беззвучно прошептали: «Мы отомстим. Мы отомстим, Ваше величество. Мы отомстим, старшая сестра».

Глава 1. Сбежавший Профессор

Август 1931 года. Москва, здание ОГПУ на Лубянке

– Василий Иванович, наблюдение подтверждает однозначно: Третьяковская – японская шпионка. Судите сами. Прибыла сюда из Владивостока 21 июня – как только кончились экзамены в школе. Уволилась по собственному желанию, сдала жилье и уехала в Москву искать лучшую работу. Товарищи из Приморского ГПУ перепроверили и подтвердили эту информацию.

Следователь Василий Юдин встал с кресла и подошел к окну. Посмотрел во двор здания госбезопасности, но ничего интересного там не увидел и повернулся к докладывавшему начальнику группы наружного наблюдения – мужчине в гражданской одежде, среднего роста и очень средней внешности:

– Во Владивостоке за ней числилось что-нибудь подозрительное?

– Никак нет. Никаких контактов с установленными сотрудниками японской разведки не зафиксировано, – правильно понял тот направленность вопроса.

– А с неустановленными?

– Ни с кем. Обычная учительница. Но вы правы. Есть кое-что странное...

– Ну! – Юдин подошел к оперативнику и внимательно посмотрел на него сверху вниз. Тот кивнул, как будто подтверждая справедливость нетерпения начальника, достал из кармана серого пиджака потрепанный блокнотик и продолжил:

– С сентября 1928 года Третьяковская Людмила Францевна стала часто бывать в гостях у учительницы французского языка из ее же школы – Эрнестины Жоффруа.

Юдин, отошедший было к столу, развернулся так резко, что скрипнули доски под каблуками хромовых сапог. Брови его взметнулись вверх, но оперативник спокойно продолжал:

– Установлено, что между Третьяковской и мужем Жоффруа – профессором японоведения Петром Макиным установились тесные отношения. Возможно, более чем дружеские. В феврале этого года Макин уволился из Дальневосточного университета, где преподавал японский язык, и переехал сюда, в Москву. Сейчас работает в такой же должности, но в Московском институте востоковедения. Третьяковская в школе еще весной говорила, что Жоффруа зовет ее в Москву, но я думаю, Василий Иванович, что звал-то ее как раз Макин, – чекист посмотрел на Юдина и слегка усмехнулся.

Следователь приватного тона не принял, но, заметно успокоившись, сел в кресло и потропил:

– Дальше.

– Есть дальше. Приехав в Москву, Третьяковская остановилась в квартире у Макина, в Марьиной Роще. Это мы уже потом узнали, когда наше наблюдение зацепило ее с Охаси. Сначала группа, которая ведет Охаси постоянно, 30 июля зафиксировала его встречу с ней в консерватории. Начали устанавливать дамочку и вот – вышли. В консерватории Охаси и Третьяковская сидели рядом, но неизвестно, случайно так вышло или нет. Билетерша показала, что билеты куплены по отдельности. Охаси билет заказывал с доставкой в посольство, а ее мы до того времени не вели, поэтому тут я ничего доложить не могу.

– Дальше!

– После консерватории Охаси подвез ее на автомобиле до Марьиной Рощи, потом вернулся домой в Калашный. Я человечка оставил с Третьяковской, он и проводил ее до дома. Он же установил, что живет она на квартире Макина.

– Макин видел, что она приехала с Охаси?

– Никак нет. В тот день не видел. Но уже 2 августа Тредиаковская и Охаси, предварительно встретившись у Большого театра, приехали к Макину вместе и пробыли у него в квартире около двух часов.

Юдин тяжело вздохнул. Достал сигарету, но не закурил. Налил себе воды, выпил полстакана, встал, разминая сигарету, снова подошел к окну.

– Затем в течение двух недель Тредиаковская и Охаси побывали у Макина еще дважды. Кроме того, Тредиаковская начала, извините, товарищ следователь, наглеть. Зафиксирована ее встреча с Охаси на Главпочтамте 13 августа ровно в полночь – проговорили пятнадцать минут там же, после чего разъехались. Он на своей машине. Она взяла такси. А 20 августа она приехала на японскую посольскую дачу в Красково, где уже находились Ватанабэ, Огата и Охаси, и ночевала там. В Москву вернулась на следующий день после полудня. 22 августа все трое – Ватанабэ, Огата и Охаси – приехали к Макину домой, где находились 1 час 42 минуты. После этого активность контактов резко упала. Больше они не встречались.

– За Макиным наблюдение ведется?

– Никак нет. Команды не было, Василий Иванович. Формально он всего лишь случайный знакомый. Но он постоянно находится рядом с Тредиаковской. На службу в институт востоковедения не ходит – там каникулы и отпуска. Но и дома не сидит. Зафиксировано 8 совместных поездок Макина и Тредиаковской на автомобиле. Водителя мы подставили сразу нашего, он дал им скидку, и в дальнейшем Макин вызывал его по телефону через таксопарк. Основное место катаний – Петровский парк. Были также в парке ЦДКА, один раз ездили за город – в Останкино, гуляли по парку там. В автомобиле разговаривали мало, но много целовались. Дважды заезжали в фотоателье на улице Горького – сделали совместные снимки. Фотопластины отобраны, хранятся у нас. Адюльтер в чистом виде, Василий Иванович.

– Берите в разработку Макина. Мне такой адюльтер не нужен. Соответствующая команда будет, я сейчас свяжусь с начальником отдела. И вот еще что...

Чекист спрятал в карман блокнотик и внимательно посмотрел на следователя, ожидая услышать что-то важное. Тот действительно хотел что-то сказать, но вдруг передумал и отпустил чекиста:

– Пока все. Идите.

– Есть, – начальник группы наружного наблюдения вышел из кабинета, а следователь поднял трубку и, дождавшись соединения, заговорил, с трудом сдерживая волнение:

– Артур Христианович, здравия желаю! Юдин беспокоит. Прошу принять меня по срочному делу. Да. Операция «Меморандум» под угрозой. Есть вероятность того, что агент Профессор работает на японцев. Прошу подключить Марейкиса. Нельзя рисковать, а без него мы никогда не будем знать результат точно. Да и вообще без него разобраться будет сложно. Есть! – Выслушав ответ, он с облегчением положил трубку на рычаг.

Неделю спустя, Москва

Изысканно одетый азиат с большим кожаным портфелем в левой руке не торопясь спустился по Тверскому бульвару к Большой Никитской. Глубокая августовская ночь уже давно накрыла Москву, город спал, и на пути у франта почти никого не встречалось. Не доходя немного до церкви, он свернул вправо и подошел к цели своего путешествия – большому двухэтажному дворянскому особняку с тыльной стороны. Не задерживаясь ни на минуту и ни разу не оглянувшись, азиат ловким движением достал из портфеля кожаный же ремень с двумя карабинчиками, быстро пристегнул их к ручке и, постепенно набирая скорость, набросил ремень себе на плечо. Портфель переехал за спину ловкачу, а сам он с короткой пробежки одним махом перелетел через забор и неслышно опустился во дворе особняка в тени вяза, росшего недалеко от забора и дававшего в лунную ночь чудесную густую тень. Ни милиционер, дежуривший в будке у ворот, выходявших на Большую Никитскую, ни двое людей в кепках,

боровшихся со сном в автомобиле, припаркованном у церкви, и время от времени поглядывавших на давно и надежно закрытую калитку с торца особняка, ничего не увидели и не услышали.

На всякий случай молодой человек, перепрыгнувший через ограду, мгновение прислушивался к звукам, сидя на корточках, касаясь одной рукой земли, а второй придерживая портфель на спине. В этой позе он сильно напоминал странное и опасное дикое существо. Убедившись, что все вокруг по-прежнему тихо, и никто его акробатических экзерсисов не заметил, он медленно выпрямился во весь свой немалый рост и спокойно подошел к двери черного хода. Передвинув портфель на живот, азиат достал связку отмычек и ловко отпер входную дверь. Внутри он передвигался уверенно, но совершенно беззвучно. Если бы кто-то видел его в этот момент, то неизбежно пришел бы к двум выводам: во-первых, молодой франт неоднократно бывал здесь при свете и не нуждался в освещении или плане разветвленных во все стороны комнат, а во-вторых, его красивое узкое лицо с высоким лбом, миндалевидными глазами за поблёскивающими стеклышками круглых очёчков и пухлыми губами, несмотря на явственный немалый опыт подобных посещений посольства, выдавало сильное волнение – на висках выступили мелкие капельки пота, а нижнюю губу прыткий молодой человек время от времени покусывал. Азиат был напряжен, но умело с этим напряжением боролся. Прислушался к коридору, ведущему к парадному входу, – там спал японец-охранник, твердо знающий, что его безопасность гарантирована расположившимися снаружи чекистами.

Найдя нужную комнату, человек с портфелем пригнулся, рассмотрел печать на шнурке, аккуратно снял ее и очередной отмычкой отпер комнату. Все так же не зажигая света, прошел к столу, стоявшему в центре, скинул с плеч портфель, поставил его на стол и подошел к сейфу. Вытащил нити из двух печатей, снял их и, вновь обратившись к удивительному набору медвежатника, легко открыл тяжелую дверь несгораемого ящика. Осторожно достал из темного железного нутра пачку документов. Он споро, но внимательно их пересмотрел, запоминая, в каком порядке они лежали, затем перенес их на стол. Из чудесного кожаного портфеля была изъята ловкая немецкая «Лейка». Азиат проверил папки еще раз. Большую часть отложил в сторону, но две взял, опустился на колени и, прихватив «Леечку», залез под стол, покрытый прекрасной темно-зеленой скатертью. Там, под столом, несколько раз чикнула вспышка, но свет от нее не залил всю комнату, а стыдливо распространил свое сияние только на снимаемые документы и на ножки стола. Закончив работу, франт вылез, отряхнул колени, убрал фотоаппарат в портфель. Затем, видимо, в чем-то засомневавшись, еще раз быстро пролистал те папки, которые снимать не стал. Удовлетворенно сам себе кивнул. На миг задумался, прикрыв красивые глаза, а затем решительно сложил документы в том порядке, в каком он достал их из сейфа. Спрятав папки обратно, азиат закрыл шкаф и, достав из волшебного портфеля связку с металлическими печатями и выбрав нужную, заново опечатал сейф.

Закрыв дверь черного хода, молодой человек слегка успокоился и дал себе возможность передохнуть. С удовольствием он подставил лицо теплему августовскому ночному ветерку и стал в эту минуту похож на изваяние Будды, которое вынесли из лавки восточных редкостей на проветривание. Глаза его были полуприкрыты, лицо безмятежно разглажено, уголки красивого рта едва заметно приподняты в удовлетворенной улыбке. Постояв так несколько секунд, молодой человек вдруг опустил подбородок и прислушался. У забора, в том замечательном месте, где он перепрыгивал, раздавались приглушенные голоса. В прищуренных глазах брызнула опасная искорка, и резко выступили скулы на холеном лице. В тишине донеслось: «...и не покуришь толком... косорылых... засекут... рассвет... не дергайся».

Азиат расстроено скривил пухлые губы и неслышно направился в другую сторону. Обойдя особняк с тыла, он оказался в дальнем углу двора, у стены, выходившей на Большую Никитскую. Снова закинув портфель на спину, молодой человек ловко взобрался на забор, а потом так легко с него спрыгнул прямо вдоль опорной колонны, что со стороны, если его вообще можно было бы заметить в ночи, показалось бы, что он с этого забора стёк. Снова

постояв мгновение, но на этот раз не присев на корточки, а, наоборот, выпрямившись во весь свой неазиатский рост и слившись с колонной, франт послушал тишину. Успокоившись, отделился от колонны и легкой походкой отправился в сторону Садового кольца, на ходу отстегивая уже ненужный ремень от кожаного портфеля. Ночной ветер напоследок стеганул развёрнутым над только что покинутым особняком с обесчещенным сейфом белым полотнищем с большим красным кругом посередине.

Когда над Москвой уже быстро всю горело оранжевое августовское солнце, сильно напоминающее то, что посмотрело с флага вслед уходящему в темноту азиату, сам он сидел в большом кабинете перед портретами Сталина и Дзержинского на стене, напротив человека с остроконечной бородкой и знаками различия заместителя начальника Объединенного государственного политического управления – ОГПУ. Рядом с азиатом пристроился взволнованный следователь Юдин. Около замнача – человек с точно такой же бородкой, но с тремя ромбами в петлице – заместитель начальника отдела контрразведки. Он говорил медленно и как будто неуверенно, подбирая слова:

– Арсений Тимофеевич, ситуация очень сложная... Данные наружного наблюдения... Все данные свидетельствуют о том, что агент Профессор – вы его прекрасно знаете – связан с японцами... Связан в том смысле, что внезапно вскрылись его контакты с секретарем посольства Охаси. Японец уже несколько раз побывал у Профессора дома. Это очень тревожно... Поэтому нам понадобилась ваша помощь.

Азиат по имени Арсений Тимофеевич наполовину поклонился, наполовину кивнул в ответ:

– Я понял, Иван Федорович. Результаты выемки документов из сейфа японского посольства ничего в этом направлении не проясняют. К сожалению.

– Все прошло чисто? – вдруг перебил его Юдин.

Азиат коротко и утвердительно кивнул и ему. Продолжил:

– В документах есть один отчет Охаси, но он касается только дипломатической работы. Никаких указаний о встрече с Профессором нет, что, конечно, странно. Не только, если предположить, что Профессор работает на японцев, но и вообще, если это был санкционированный рабочий контакт – должен быть отчет в таком случае. Или он был, но отправлен в Токио, и мы его проворонили.

– Проворонить не могли, – снова встрял в разговор следователь, неприязненно посмотрев на азиата. – Вся переписка перехватывается и копируется на фото. То, что отчет не обнаружен, наводит на мысль, товарищи, что Охаси особо тщательно конспирирует результаты встреч с Профессором или же по ним пока нет никакого результата.

– Или наоборот, – возразил Арсений Тимофеевич, – это очень личные связи, которые японцы не хотят афишировать у себя на службе.

– Охаси давно знаком с Профессором? – спросил человек с тремя ромбами.

– Думаю, года с 1921, – раздумчиво ответил Арсений Тимофеевич, – Макин тогда служил в Дальневосточном телеграфном агентстве – ДальТА, в его бюро в Йокогаме, а Охаси тогда работал в МИДе. В японском, конечно. По делам службы часто бывал и во Владивостоке, и в Йокогаме. Я несколько раз встречал его в редакциях приморских газет, когда работал с Исаевым. Охаси очень интересовался нашей прессой и был весьма недоволен тем, как освещают текущую обстановку некоторые японские журналисты. К тому же, насколько я помню, была оперативная информация, что как раз в Японии в ДальТА приходил наниматься на работу кто-то из японцев, учившихся в бывшей православной миссии в Токио. Возможно, по рекомендации Охаси. Он ведь как раз ее оканчивал.

Замначальника ОГПУ, до сих пор безучастно слушавший участников совещания, достал сигарету из портсигара, развернул его к середине стола:

– Закуривайте, товарищи. Будем думать. Иван Федорович, результаты наблюдения за Профессором хоть что-нибудь дали?

– Только в бытовом плане, Артур Христианович. Жена Макина – Эрнестина, похоже, о чем-то таком догадывается. Точнее, даже уверена в том, что муж ей изменяет с подружкой. Вчера у них дома был страшный скандал. Она выгнала и Макина, и Тредиakovскую. Муж в результате ночевал у профессора Попова из института востоковедения. Любовница поехала на почтамт, мы уж думали, что снова на встречу с Охаси, ложную тревогу объявили, но нет. Звонила оттуда во Владивосток своей знакомой. Тоже учительница из той же школы, где работала и жена Макина, – Гилевич Зоя Федоровна. Разговор записать не удалось, но после него Тредиakovская взяла такси и вернулась в Марьину Рощу, где состоялось ее примирение с женой Макина, – наш человек дежурил под окном, в темноте хорошо слышно.

– Что же получается? – замнач ОГПУ затянулся сигаретой. – То ли работает Профессор на японцев, то ли не работает? То ли он был знаком с Охаси раньше, то ли не был? Правда, если был, то почему только с приездом этой Тредиakovской такая лихорадка началась? Да еще с таким пренебрежением к конспирации. Непонятно. В любом случае еще более непонятно, почему агент Профессор ни разу ни словом не обмолвился здесь, на службе, о своих контактах с Охаси и прочими. Про Тредиakovскую, кстати, тоже ни слова. Таким образом, мы можем совершенно четко считать, что специальный агент Иностранного отдела ОГПУ Профессор, допущенный еще в 1926 году к особо охраняемой государственной тайне, по неизвестным нам пока причинам скрывает свою связь с японцами. И связь эту организовала невесть зачем приехавшая из Владивостока учительница Тредиakovская. О ней мы вообще ничего не знаем, и это позор!

– Вполне возможно, вся эта любовная история всего-навсего не слишком умелая попытка японской разведки выйти на связь с Профессором, – предположил человек с тремя ромбами. – Нет умения в конспирации. Или просто думают, что мы не успеем среагировать, а потому Тредиakovская так спешит. Правда, непонятно, куда она так спешит в конечном итоге. Что-то затевают? И кто? Макин с любовницей или все-таки японцы?

– Хороший вопрос. – И Артур Христианович, вновь затянувшись сигаретой, обвел взглядом коллег. – Одно дело – если они решили использовать эту Тредиakovскую, которую завербовали раньше или подцепили недавно на чем-то, чтобы выйти на интересного им человека в Москве. Работа, так сказать, на перспективу. Другое – если они потеряли Профессора, когда он уехал с Дальнего Востока. А если потеряли, то что – он был их агентом раньше? Вы вообще понимаете, что это значит? Чем это грозит?! И что значит, если они действительно спешат выйти на связь с ним, пренебрегая мерами безопасности?

Замнач поднялся со своего места и подошел к окну, попыхивая сигаретой. Раздраженно продолжил:

– В ближайшее время в мировой политической ситуации могут наступить серьезные перемены. И связано это именно с японским направлением.

При этих словах все присутствовавшие в кабинете посмотрели на его хозяина с особым вниманием, а он продолжил, по-прежнему глядя в окно.

– Обстановка в Маньчжурии накаляется с каждым днем. Сдержать японскую агрессию, а есть все основания полагать, что ожидается именно агрессия, мы военным путем не сможем. Таких сил на Дальнем Востоке у нас нет. Есть еще один шанс попытаться воспрепятствовать этому дипломатическим путем, обратив внимание западного мира на завоевательную политику японцев. Слабый, но есть. В этом может помочь публикация Меморандума.

– Но ведь Меморандум уже опубликован китайцами, товарищ Артузов, – глаза похожего на Будду Арсения Тимофеевича расширились.

– Китай и Западный мир – не одно и то же, товарищ Марейкис, – жестко ответил замнач. – Когда готовилась операция «Меморандум», агент Профессор был не последним ее участни-

ком. Он наша научная, так сказать, опора, как, кстати говоря, и вы. Несмотря на все принятые меры, сомнения в подлинности документа у наших заграничных оппонентов остаются. Макин – живое доказательство подлинности Меморандума, которое мы должны быть готовы предъявить миру по первому требованию. Если же японцы получают от Профессора сведения... доказательные сведения о том, как на самом деле был получен Меморандум, пропадет смысл его публикации. Если еще не получили... Зато, – замначальника ОГПУ вернулся в свое кресло, – возникнет, и совершенно справедливо, смысл в прекращении нашей... службы, назовем это пока так.

Все замолчали, и никто из приглашенных так и не притронулся к портсигару. Артузов снова обратился к азиату с прибалтийским псевдонимом:

– Товарищ Марейкис, вы знаете Профессора давно. Ваше мнение о нем?

Двое других приглашенных откинулись назад в ожидании голоса «Будды». Тот, подумав, протянул руку к портсигару, но потом почему-то передумал, убрал руку обратно и заговорил:

– Выдающийся японовед. Язык знает хорошо, можно сказать, отлично знает, но для наших специалистов на Дальнем Востоке это неудивительно. Хороший аналитик. Старая школа. Характер вздорный. Мелочен, жаден, трусоват. Исключительно тщеславен, и на этой почве может терять контроль. Со времен Восточного института видит себя лучшим специалистом по Японии. Отсюда постоянно вступает в конфликты как с коллегами, так и с начальством. Вынужден был часто менять места работы, так как нигде не мог сойтись характерами.

В Иностранном отделе работает, пожалуй, дольше всего за всю свою карьеру, что я объясняю двумя причинами: первая – трусость. Может, и хотел бы, да боится уйти. Вторая – служба в ОГПУ повышает его самооценку. А Профессор исключительно амбициозен.

– Как? – перебил Марейкиса Юдин.

– Амбициозен, – с некоторой ноткой вины повторил Арсений Тимофеевич и попытался пояснить, – исключительно высокого мнения о себе и своих достоинствах. Но такой фактор, как секретная служба в органах, куда его взяли благодаря его знаниям и таланту, – вещь... Ее трудно держать в секрете, а потому вполне допускаю, что он кому-то мог о своей службе проговориться, разболтать. Работа же в обычных институтах, а сейчас он преподает в Московском институте востоковедения...

– Как и вы, – вставил Юдин.

– Как и я, – подтвердил Марейкис, – ему лично не приносит морального удовлетворения. Он явно хочет большего.

– Наконец, последнее. Всегда проявлял особый интерес к женскому полу. В молодости жил во Франции. К француженкам, кстати, испытывает особый интерес.

– Говорит по-французски? – уточнил Юдин.

– Естественно. Но я тоже говорю по-французски. И по-английски, и по-китайски. Это ничего не значит. Профессор же, хотя к француженкам питает слабость и супруга его, как известно, из семьи лионского коммерсанта, работавшего в Приморье, слишком уж равнодушен к женскому полу. Хотя проколов особых раньше за ним не замечено по этой части, но некоторое напряжение чувствуется.

– Напряжение, – повторил замнач, – напряжение... Черт знает что такое... Получается, Профессор – идеальная цель для вербовки. Завербовали его мы. Но это совсем не значит, что к нему не было вербовочных подходов раньше и нет их теперь. И результаты их нам неизвестны. Так?

– Так, – по очереди кивнули все присутствующие, а замначальника контрразведки, чуть помедлив, продолжил:

– Я думаю, надо брать, Артур Христианович. Пока не поздно...

Раздался стук в дверь, и в приоткрытой створке показалась голова секретаря. Артузов кивком разрешил войти, и секретарь доложил:

– Сообщение от группы наружного наблюдения за фигурантом «Профессор»: «Около двух часов назад в установленную квартиру пришел неизвестный ранее японец. На дипломата не похож, личность установить пока не удалось. Самостоятельно нашел квартиру, причем видно, что ранее уже бывал тут. Пробыл около часу, после чего Профессор, Третьяковская и указанный японец, взяв с собой три чемодана и четыре больших сумки, вышли на улицу, направившись в сторону Мещанской. Там они сели на трамвай и в итоге прибыли на Ярославский вокзал. На вокзале Профессор и японец купили два билета в курьерский поезд № 2 до Владивостока. Билеты предназначались Третьяковской и японцу. Проводив их на перрон, Профессор внезапно вернулся в кассу и купил еще один билет в этот же поезд, но в другой вагон. Так как поезд уже отправлялся, Третьяковская и японец погрузились в вагон самостоятельно, взяв с собой все вещи, а Профессор заскочил в поезд в последний момент, когда состав уже тронулся. Опрос кассира показал, что Профессор также купил билет до Владивостока. Не имея полномочий на следование с объектом далее, наружное наблюдение прекратил. Нахожусь в линейном отделе ГПУ при Ярославском вокзале. Командир группы Миронов».

– Вот и ответы на все наши вопросы, товарищи чекисты, – выдохнул Артузов и судорожно потянулся за второй сигаретой. А брат... – Чиркнула спичка. – А брат, боюсь, уже поздно, Иван Федорович. Но – будем.

Глава 2. Погоня

– Успеем, – неожиданно оживился замначальника контрразведки. – Успеем, Артур Христианович. Страна большая, ехать далеко и долго. Аэропланы пока, слава богу, пассажиров у нас не возят. Возьмем в пути. И японца прихлопнем, и Профессора, и Третьяковскую эту хорошенько порасспросим.

Артузов встал, затянулся свежей сигаретой:

– Согласен. Страна большая. Хотя господь бог тут, конечно, ни при чем. Раз так, Иван Федорович, возьмите аккуратно. В вещах могут быть – обязательно должны быть! – улики. Документы, фото пленка, расписки – все что угодно. Поэтому предлагаю не торопиться. Они не должны ничего выбросить по дороге. Но они явно нервничают. Когда люди бегут, они всегда нервничают. Не надо их пугать лишне. Если хотели что-то уничтожить, уничтожат пока до Тайнинки не доедут – полчаса хода на поезде, и мы бессильны. Но если что-то везут, необходимо брать теплыми. Брать хорошими специалистами, чтобы не дернулись! Значит, нужна большая станция, где у нас есть опытные, проверенные кадры. И нужно время, чтобы подготовиться. Значит... – Артузов на мгновение задумался, посмотрел на часы. – Решено: брать в Свердловске! Справитесь, Иван Федорович?

– Сделаем, Артур Христианович! Возьмем как положено. Разрешите идти?

– Да, товарищи! Всем работать. Арсений Тимофеевич, вам ждать в Москве, в готовности...

– К чему, Артур Христианович?

– Ко всему, – Артузов впервые за весь разговор улыбнулся, – возможно такое?

– Если правильно все делать, только такое и возможно, – совершенно серьезно ответил франтоватый азиат Марейкис. – Самураи говорят: «Настоящий воин ничего не ждет, поэтому готов ко всему».

– Вот и отлично! Японцы – серьезные противники, но, похоже, мы их знаем лучше, чем они нас. 1904 год в прошлом. Мы от них ничего хорошего не ждем, а потому им нас ничем удивить не удастся.

Марейкис на мгновение задумался, а потом очень серьезно кивнул и вышел из кабинета.

В коридоре его ждал Иван Федорович:

– Арсений, постарайся узнать, что за японец с ними едет. Если будет информация до момента задержания, сам понимаешь, какие преимущества это дает в допросе.

– Есть, постараюсь, – и агент Марейкис, по-военному одернув кургузый щегольской пиджачок, быстро отправился к выходу.

На улице азиатский красавчик повернул было на Большую Лубянку, но вдруг замедлил ход, круто развернулся и через Фуркасовский вышел на Лубянскую площадь. Обойдя фонтан, он спустился вниз к Неглинной, но напротив Большого театра повернул налево и оказался перед зданием гостиницы «Метрополь». Войдя внутрь и уверенно поднявшись на третий этаж, Марейкис нашел нужный номер и позвонил в электрический звонок. Дверь открыл невысокого роста, молодой, но уже с проседью в отросших, прямых и слегка топорщащихся волосах человек с такой же азиатской внешностью, как и у Арсения Тимофеевича, в черных брюках, белоснежной сорочке с бабочкой и в черном жилете. Увидев визитера, импозантный хозяин номера отскочил от двери на шаг назад и почтительно поклонился. Марейкис в ответ тоже поклонился, но чуть менее энергично, не так низко и делая это уже на ходу, решительно ступая в коридор и прикрывая за собой дверь. В движениях его не чувствовалось никакой неловкости.

– Сакамото-сан! Давно не виделись! Большая честь для меня! – затараторил хозяин номера на японском, но человек с внешностью Будды вежливо прервал его, успокоительно помахав ладонью перед носом японца, и ответил на том же языке:

– Нет, нет, Садахиро-сан! Прошу меня извинить, что отвлек вас от важных дел, да еще и явился без предупреждения! И прошу называть меня Чен – так безопаснее. Мы не в Токио, прошу вас не забывать об этом!

– Да, конечно, Чен-сан! Я все понимаю! То, что вы делаете для нашей родины, нельзя измерить никакими наградами! Но я тоже тут стараюсь! Мне никак не удастся добиться интервью с этим Сталиным. Русские упрямы и глупы. Упрямы и глупы! Они не понимают, что весь мир развивается по другой модели, а их гордыня заведет страну в пучину, в пропасть, в ад! И все же я придумал, как взять интервью у Сталина! Да, я придумал! Эти русские никогда бы не смогли додуматься до такого! Русские – дураки дураками! – оказавшийся неожиданно легко-возбудимой натурой журналист бегал перед Сакамото-Ченом-Марейкисом туда-сюда, едва не сбивая с ломберного столика стопку книг и кучу разложенных газет, удивленно приподнимавших уголки всякий раз, когда ветер, создаваемый пыльным репортером, менял направление.

– Русские – это дикая нецивилизованная нация, – продолжал входящий в раж Садахиро. – Уверен, они даже хуже корейцев и китайцев. Те хотя бы азиаты. Этот же дикий народ по злой усмешке судьбы ограничивает развитие великой восточноазиатской сферы процветания, которую строим мы, японцы. Они не понимают наших ценностей, они вообще ничего не понимают! Дикари и идиоты! Азия и Тихий океан должны принадлежать нам – Японии и, пожалуй, Америке. Да, я знаю, что у нас сейчас сложные отношения со Штатами, но я был в Америке. Вы знаете, я работал корреспондентом в Вашингтоне, и я вам скажу: Америка – наш вечный друг. Там сила! А сила должна поддерживать силу! Если Великой Японии удастся... Нет! Когда Великой Японии удастся отодвинуть их за Байкал, вся Азия, весь мир скажут нам спасибо! А Штаты навсегда станут нашим союзником, как только увидят нашу решимость в борьбе с большевиками!

Арсений с едва сдерживаемым удивлением смотрел на седоватого оптимиста и думал: «Боже мой, какой идиот. Какой фантастический идиот. Ведь я уже говорил им... Нет же: “он замечательный специалист, профессионал. Работал в Америке, ненавидит русских. Что еще надо?”» И это – корреспондент одной из крупнейших газет, агент, отвечающий за связь и координацию резидентур...

– Вы что-то говорили по поводу интервью со Сталиным.

– Да! Я сделаю все очень просто, так что они даже не поймут, как это получилось! Мне удалось узнать, что Сталин часто ходит в Большой театр и в Малый театр. О, я понимаю Сталина! – и Садахиро захихикал, потирая маленькие нежные ладошки. – Я завтра же начну вести наблюдение прямо отсюда, из «Метрополя»! Русские балерины молоды и красивы. У них такие длинные и прямые ноги, что, пожалуй, и в Токио с трудом можно найти таких красоток. Не говоря уж о нашем Гифу. К тому же известно, что все русские женщины – проститутки. Русские сами их так и называют: «бабы». Это неприличное слово, мне говорили. А в, как это... в филиале Художественного театра он смотрит спектакль «Дни Турбиных». Ему нравится, что в конце даже царские офицеры – настоящие самураи – переходят на сторону большевиков! Есть слово, я записал... Вот! «Золотопогонники»! Тоже ругательное. Сталин тщеславен. Он получает удовольствие от сцен унижения этих «золотопогонников» и любит баб. «Дни Турбиных» помогают ему восстанавливать гармонию. Это для него как медитация, я понимаю, – Садахиро подскочил к окну, отдернув портьеру, – я уже попросил у нашего военного атташе бинокль. Он мне, правда, ничего не ответил, но я уверен – даст! За филиалом Художественного театра трудно следить, он далеко – и там слишком узкие улицы – почти как в Токио. Но ничего, когда я создам график посещения театров Сталиным, полковник Кавато сам увидит, что только я смогу справиться с этой задачей!

– Как же вы собираетесь использовать этот график? – с тревогой спросил Чен, слушая трескотню Садахиро, подходя к окну и как бы случайно задвигая портьеру обратно.

– Когда мне станет понятна логика походов Сталина в театр, я спрячусь под деревом в сквере перед Большим театром или за углом дома перед филиалом Художественного театра, и, как только Сталин будет проходить мимо, выпрыгну к нему и прямо на улице возьму у него интервью!

– Вот что, Садахиро-сан, боюсь, эту операцию придется отложить, – Марейкис-Сакамото сел в кресло. – Да. Нельзя рассматривать интервью со Сталиным как действия одного журналиста, пусть даже и самой авторитетной газеты Японии. Отношения с Советским Союзом слишком сложные, чтобы можно было одному человеку взять всю ответственность на себя.

– Но у меня все вопросы согласованы с Токио!

– Зато у вас не согласованы ответы! Не говоря уж о способе, которым вы собираетесь эти ответы получить. Садахиро-сан, я очень прошу вас повременить с этим и еще раз проконсультироваться на эту тему с послом Хирота... Прошу вас! Речь идет о международных отношениях. Сейчас настали такие времена, что даже малейшая ошибка может стоить десятков тысяч жизней японских солдат.

Когда через полчаса Чен выходил из «Метрополя», его белоснежная сорочка под серым костюмом была насквозь мокра от пота. Он держался изо всех сил, стараясь если не улыбаться – улыбка выдавала бы в нем иностранца на московской улице, – то хотя бы не выглядеть настолько потрясенным, каковым он был на самом деле. Только в мозгу его перемешивались ругательства на разных языках, которыми он награждал не в меру активного и бестолкового репортера. И все же план действий сложился быстро.

Подойдя к будке телефона-автомата, Чен вытащил из кармана элегантный кошелечек для мелочи, нашел монетку и, когда подошла его очередь, первым делом принялся помогать журналисту Садахиро – спасти его из ямы, которую тот сам себе уже почти вырыл:

– Это мебельный магазин? Мне нужно зеркало для трельяжа. У вас есть? Как – посольство Японии? Извините, я ошибся номером!

У большого мебельного магазина на Садовой и японского посольства действительно были очень схожи телефонные номера – Чен сам тщательно это проверил. «Зеркалом» по системе условных кодов, разработанных им вместе с японскими разведчиками, называлась проверка действий, могущих произойти в ближайшее время с кем-то из агентов разведки, которых в Москве было совсем немного, – предметов скупого советского гарнитура пока хватало на то, чтобы дать клички всем. Журналист Садахиро – самовлюбленный, напыщенный болван – был сразу прозван «Трильяжем». Теперь, получив звонок от Чена, в посольстве примут меры к тому, чтобы выяснить, чем занимается сейчас репортер и что планирует делать в ближайшее время. А значит, идиотского нападения на Сталина с блокнотом и карандашом не будет – за это можно уже не беспокоиться. Плохо другое: в разговоре с Садахиро с трудом, но все же удалось выяснить, что никто из известных ему японцев, а он, в силу своего положения знал в Москве практически всех, ни во Владивосток, ни вообще куда-либо выезжать не собирался. А значит, имя японца, сопровождавшего Профессора и Тредиаковскую, остается неизвестным. Агент наружки сообщил, что тот не был похож на дипломата. Тем более, фотокарточки всех сотрудников японского посольства в ОГПУ конечно же были. Однако опознать сопровождающего по ним не удалось. Кто же он, кто?!

Информацию, полученную от Садахиро, но уже почти не соблюдая никаких правил конспираций, открытым текстом, по телефону Чен-Сакамото сообщил начальнику контрразведки ОГПУ и в ответ уловил от него нотки разочарования: «Отдыхайте, товарищ Марейкис. Завтра поговорим». Ясно: шеф надеется больше не на данные, полученные от японцев, а на результаты взятия и допроса в Свердловске. Арсений поднял глаза и посмотрел на солнце, садящееся куда-то за Храм Христа Спасителя, вздохнул и уже не торопясь отправился домой, на Тургенку – впервые после бессонной ночи нестерпимо захотелось спать.

Железнодорожный вокзал в Свердловске сутки с небольшим снустья

– Сначала берем гражданина японца, – инструктировал группу чекистов пожилой оперативник в форме начальника райотдела ОГПУ. Едет он к нам в восьмом вагоне, третье купе. Имя неизвестно. С япошкой быть предельно аккуратными! Рожков, представишься, покажешь удостоверение. Остальным – предельное внимание на объект! Может быть вооружен! По всей вероятности, опытный разведчик. Попутчики – трое неизвестных нам краснофлотцев – едут во Владивосток. Их вежливо прижать, и японца из купе вынуть. Николенко, ты заберешь вещи, и чтоб ничего не забыть!

– Есть! – отозвался маленький и лопоухий Николенко.

– Группа Иванова в это же время быстро и без шума достает из четвертого купе третьего вагона гражданку ТрEDIAковскую Людмилу Францевну, вот ее фото, и гражданина Макина Петра Николаевича. Вот его карточка. Вывести по отдельности и сразу в машины. Грабин, камеры готовы?

– Так точно!

– Значит, как привезем, каждого в отдельную камеру. Дальше пусть следователи занимаются. Наша задача – доскональный обыск личный и проверка всех вещей. Обо всем маломальски подозрительном докладывать мне. Не говоря уж о прочем. Вопросы есть?

– Попутчики Макина и этой... ТрEDIAковской?

– ТрEDIAковской. Попутчики выходят здесь. Линейная милиция задержит их на вокзале до результатов обыска, но это без нас. Наша задача – граждане шпионы и диверсанты. Пошли, вон дымит уже на подходе!

Две группы захвата потрусили к приближающемуся поезду, прикидывая, где именно остановятся третий и восьмой вагоны. Начальник отдела помедлил, принимая решения, а потом двинулся за теми, кто собрался брать японца. И, как выяснилось, не зря. Когда он вошел в купе, никаких краснофлотцев там не было – заметно поддатые, они попались на встречу, разминая папироски в пальцах и обдавая удушливым запахом пота и перегаром. Но и японца в купе не оказалось тоже. Растерянный командир группы успел только посмотреть вслед начальнику, который уже протискивался вместе с выходящими обратно, на платформу, к проводнице.

– В третьем купе, японец, от Москвы – где он? Быстро!

– В Вятке... – затряслась женщина, с ужасом глядя на деревянную коробку маузера на боку у чекиста.

– Что в Вятке? Сошел? Пересел? Что?!

– Пе... пе... перешел!

– Куда? Быстрее! Куда, я спрашиваю!

– Туда, – махнула проводница в сторону паровоза и заревела. Начальник отдела бегом, расталкивая курящих и закупающих пиво с воблой и баранками пассажиров, рванул к началу состава. За ним поспешила группа захвата.

Из третьего вагона выводили бледную, испуганную ТрEDIAковскую и японца – невысокого человечка с плоским, как сковорода, лицом, со сломанным и без того небольшим носом, бритого наголо. Одет японец был в шаровары с короткими сапогами и рубашку, подпоясанную кавказским ремешком, – ни дать, ни взять сотрудник какого-нибудь московского треста. Начальник отдела, успокоившись, проследил за тем, как их посадили в машины, мельком оглядел изъятый багаж. Удовлетворенно кивнул – грузите, спросил документы задержанных. Достал паспорт ТрEDIAковской, также мельком глянул в него, перебрал пальцами профсоюзную книжку, пачку каких-то квитанций, членское удостоверение общества «Осоавиахим», взял второй паспорт, раскрыл. «Гражданин Союза ССР Чжоу Юнь Фат. Место рождения: город Харбин»... Китаец? Не японец, а китаец? Москва ориентировала на японца. Перепутали? Да кто их этих, косорылых, разберет! Главное – взяли. Молодцы. Вот только где Макин?

Москва, Лубянка, ночь после задержания в Свердловске

– Кто-нибудь мне может объяснить, где Профессор и что вообще происходит? – заместитель начальника контрразведки пытался сдерживаться из последних сил, но уже не очень получалось. Перед ним сидели Марейкис и следователь Юдин. С торца стола притулился командир группы наружного наблюдения Миронов.

– Простите, результаты обыска и досмотра личных вещей есть? – спокойно вопросом на вопрос ответил Марейкис.

– Есть. Все чисто.

– А что за китаец?

– Устанавливаем, – начальник, единственный из всех присутствовавших обладавший полной информацией по делу, вынужден был не столько спрашивать, сколько докладывал сам, ожидая мнения чекистов, вовлеченных в дело Профессора. – Говорит, что повар Макина с харбинских времен, с середины двадцатых. Там у многих были китайские повара. Приехал вместе с ним во Владивосток, получил гражданство. Переехал в Москву, а тут Макин его уволил. Внезапно, прошу заметить. Хотел открыть свой ресторан, да прогорел. Решил вернуться во Владивосток. Билеты брал заранее – на себя и на компаньона. Тот в последний момент отказался. Китаец пришел попрощаться с Макиным. Вроде как старый хозяин, поблагодарить... А тут эта Третьяковская. У них ночью снова ссора была с женой Макина, и она решила уехать. Профессор повез их на вокзал провожать, да то ли взревновал, то ли никак расстаться не мог с любовницей своей, но купил еще один билет и поехал с ними.

– Эрнестина Жоффруа знает что-то о местонахождении мужа? – подал голос следователь Юдин.

– Нет, беседа с ней проведена, пост наблюдения оставлен, телефон слушаем, – четко доложил Миронов.

– А когда сошел Макин? – продолжил Юдин.

– Видимо, в Вятке. Китаец этот несколько раз ходил в третий вагон, а потом они поменялись.

– Значит, если он вернулся в Москву, а не пересел на другой поезд куда-то на восток, он должен быть дома?

– Сразу бы доложили, Василий Иванович, обижаете! – заерзал на стуле Миронов.

– Вас обидишь... Квартиру китайца проверяли?

– Комнату. Живет через улицу от Профессора, там же, в Марьиной Роще. Снимает комнату в общежитии. Там этих китайцев – видимо-невидимо. И на рожу все одинаковые. Пытались проверить вещи – не оставил ли чего. Говорят, нет, все взял с собой. Но койку при этом никто не занимает.

– Вот как? Любопытно! – впервые заметно оживился Марейкис. – Вещей нет. Но место никому не уступают? Для разорившегося ресторатора держат? Василий Иванович, Иван Федорович, мне кажется, надо посылать людей на квартиру Макина. Я его давно знаю. Он способен на резкие поступки, но он слабый человек, не одиночка. Не сможет жить без поддержки. Третьяковская уехала. Китаец, который нам совсем непонятен, тоже. Жена спокойно ждет дома. Вещей не брал. Что-то тут не так, товарищи! Не думаю, что он двинется куда-то на восток. Если, конечно, все это не спектакль, талантливо разыгранный для нас японской разведкой с целью увести Профессора из-под нашей опеки!

«И не дать возможности реализовать операцию «Меморандум», – хотел договорить Чен, но вовремя вспомнил, что Миронов не был допущен по своему служебному положению к особо секретному «Меморандуму», и осекся.

– Все указывает как раз на это, – заметил начальник контрразведки.

– В целом да, но меня сильно смущает этот китаец. По моим данным, никто из сотрудников японской разведки из Москвы в эти дни не выезжал. Тем более, законным путем – заявок

в Наркоминдел на выезд из Москвы не было. Словесный портрет, переданный свердловскими товарищами, мне совершенно не знаком. Я такого человека не знаю. Паспорт у него настоящий. Жил он среди китайцев, а значит – носитель языка. Давно внедренный и хорошо законспирированный агент японцев? Слишком большой риск. Сейчас не девятьсот четвертый год. Да и китайцев в Москве не так много, как их было при царе на Дальнем Востоке. Они все друг друга знают. И так глупо попасться? Нет, вряд ли это агент. А уж если он действительно китаец, то японцы тут точно ни при чем. Они друг друга ненавидят, как... японцы и корейцы.

– А кто вам сказал, что он попался? – ответил Юдин. – У нас к нему ничего нет, кроме того, что он совершенно законным способом ехал во Владивосток по законно купленному в кассе билету. Завтра отпустим, и поедет дальше.

– И в вещах ничего такого? Есть список?

– Пожалуйста. – Юдин придвинул Чену несколько листов исписанной бумаги.

– Так, – несколько минут Марейкис внимательно изучал протокол обыска. Остальные курили.

– Смотрите: серебряный набор для бритья. Этот гражданин Чжоу, судя по словесному портрету, лыс и безбород. Бреется наголо? Тогда логично – вот есть у него бритвенный набор «Жиллет» с лезвиями в кожаном футляре. Но не слишком ли хорош для бывшего повара, а ныне безработного? В кожаном футляре... Иван Федорович, а второе дно, вторые подкладки в вещах проверяли?

– Естественно. Ты же знаешь, ребята не впервые работают с такими «гастролерами».

– Пусть посмотрят еще раз, а? Иван Федорович! Последняя надежда наша! И вот этот футляр недешевый пусть особо проверят, прошу вас! Приметная, должно быть, вещица – странно для безработного китайского повара из общежития.

Замначальника контрразведки снял трубку и через минуту уже разговаривал с начальником отдела, руководившим задержанием «гастролеров». Еще некоторое время все сидели молча. Чен и вовсе прикрыл глаза и снова стал похож на Будду, только молодого и очень красивого. Спит не спит, и не поймешь даже. Иван Федорович держал трубку около уха, но молчал. Вдруг он побагровел, стукнул кулаком по столу и взревел:

– Вы что там охренели в своих лесах?! Вы обыск не в состоянии сделать?! Что не подумали? О чем вы не подумали?! Это я о вас не подумаю, когда докладывать наверх стану! Задержанным оформить арест и немедленно, слышишь меня, немедленно в Москву под самым строгим конвоем! И если твои бойцы опять чего-то недоглядыт, пеняй на себя! Всё!

Бросив трубку, начальник контрразведки обвел всех тяжелым взглядом, но, так ничего и не сказав, снова взялся за телефон:

– Начальника транспортного отдела! Марк Исаакович, позавчера пассажирским поездом номер 28 в направлении Владивостока почтовым грузом был отправлен черный кожаный чемодан весом около 20 килограммов. Квитанция выписана на некоего Чжоу Юнь Фата. Да, китаец, да. Пассажирский ведь медленно тащится? Ну, что значит – относительно? Мне надо, чтобы медленно! Мне позарез нужно, чтобы этот чемодан сняли на ближайшей станции, проверили на взрывчатку или что там еще может быть, составили акт и срочно, курьерским сюда, в Москву, мне! Сделаешь? Где? В Ачинске? Через час? Снимай, снимай, Марк Исаакович! Спасибо, дорогой. Жду звонка. Спасибо.

Иван Федорович откинулся в кресле и посмотрел на Марейкиса:

– Квитанция на еще один чемодан была спрятана в подкладку футляра от бритвы.

– Надо ехать домой к Профессору. Китаец ненастоящий, японский шпион, Макин может оказаться настоящим. С чемоданом завтра разберемся. Наверняка шпионская корреспонденция. Надежда есть, – уверенно ответил Чен, а следователь Юдин согласно кивнул: – Шанс есть. Надо ехать. Возьмем пару человек и будем ждать Профессора.

Глава 3. «Золото, брильянты...»

Следующие сутки, станция Ачинск

Когда ранним утром в далеком Ачинске местные чекисты, позевывая, несли тяжеленный кожаный чемодан в станционное отделение милиции, им было скучно. Солнце еще не встало, над городишком висела тяжелая темно-серая туча, и даже паровоз, казалось, приближался к вокзалу нехотя, засыпая на ходу. Но, когда поезд, выждав положенное время, потянул свой состав дальше по бесконечной Сибири, оперативники, забыв про только что одолевавшую их зевоту, лихорадочно выясняли, кто из них самый грамотный, чтобы заполнить протокол, копия которого должна быть немедленно отправлена в Москву телеграфом. Начальник городского отделения ОГПУ уже связывался с начальством, а рядовые оперуполномоченные – двое, оба в старом и застиранном обмундировании, в фуражках на разом взмокших от страха и волнения стриженных под машинку круглых крестьянских головах – снова и снова путались в подсчетах. То один, то другой хватались за огромные бухгалтерские счета, только усиливая этим неразбериху.

Чемодан, из-за которого сотворилась вся эта суматоха, лежал на столе. Вокруг сгрудились все принимавшие участие в изъятии сотрудники. Двое понятых, старавшихся, чтобы их не заметили, сидели на колченогих стульях в углу – изъятие проводилось строго по закону. Нутро чемодана им было видно плохо, но они – приглашенные в отдел кассир и начальник почты – еще и втягивали голову, чтобы ненароком не увидеть лишнего: меньше знаешь – крепче спишь. Особенно, если имеешь дело с ОГПУ и больше не хочешь его иметь. И все же понятые время от времени постреливали острыми взглядами на стол. А там было на что посмотреть. На чистую газету уже было вывернуто содержимое чемодана, но его, это необыкновенное содержимое, снова и снова перекладывали то туда, то обратно, тщетно пытаясь оформить опись по всем правилам. Наконец после долгих и утомительных переписываний, показавшихся понятным бесконечными и непонятными, протокол был составлен, а в Москву, в транспортный отдел ОГПУ полетела телеграмма для передачи ее начальнику отдела контрразведки. Помимо содержательной части (где, как обычно, было указано, по чьему приказанию, когда и кто именно производил обыск вещей) телеграмма содержала ту самую многострадальную опись, начисто лишившую ачинских чекистов желания поспать, и доклад о срочно проведенных оперативных мероприятиях, мгновенно сделавших версию Марейкиса о шпионских сообщениях несостоятельной:

«При досмотре чемодана выявлено его содержимое:

Белье нательное белого цвета (чистое) – 2 пары (уложено сверху).

Газета «Известия» от 8 августа – 1 шт., уложена сверху в развернутом виде.

Шкатулка с цветными драгоценными камнями (предположительно – брильянтами, 3 ожерелья, 8 браслетов и кисет с камнями, россыпью) – 1 шт.

Золотые червонцы царской чеканки – 750 шт. на общую сумму 7500 рублей золотом.

Иностранная валюта (американские доллары в купюрах разного достоинства) – на общую сумму 12 375 долларов.

Газета «Известия» от 9 августа – 1 шт. (уложена снизу).

При вскрытии чемодана второго дна, дополнительных подкладок, равно как и каких-либо документов, записок и др. подобных материалов не обнаружено.

Чемодан, копии протоколов задержания и осмотра груза, а также сам груз, включая белье и газеты (на предмет содержания зашифрованных записей), немедленно высылаются ближайшим курьерским поездом в Москву в сопровождении оперуполномоченного Ачинского ОГПУ Н. Н. Моисеенко и агента С. Д. Лиходеева.

В адрес полпреда ОГПУ на Дальнем Востоке выслана телеграмма с сообщением о крайней важности изъятых грузов и предложением об оперативной фиксации встречающих его граждан».

Телеграмма пришла на Лубянку уже после того, как опергруппа, к которой присоединились следователь Юдин и агент Марейкис, приехала в пыльную и грязную, похожую на заброшенную деревню, Марьину Рошу и отыскивала нужный двухэтажный дом под номером 43. Из двух квартир на втором этаже первого подъезда одну – в пять больших и маленьких комнат – занимал профессор Московского института востоковедения Петр Николаевич Макин с женой – француженкой, гражданкой Союза ССР, Эрнестиной Жоффруа. На подходе к дому к руководившему наблюдением Миронову вывернулся из подворотни подозрительного вида субъект в тельнике под расстегнутой до пупа рубашкой, в полуспущенных штанах, кое-как заправленных в разбитые кирзовые сапоги, и в морской офицерской фуражке старого образца со сломанным козырьком. От субъекта сильно несло каким-то пойлом вроде самогона, но почему-то с явственной отдушкой керосина.

– Товарищ Миронов, только что в дом вошел подозреваемый! Свет пока горит только на кухне... Нет, вот сами гляньте – в комнатах зажегся, – и вонючий «матросик» ткнул грязным пальцем в сторону светившихся окон на втором этаже. Группа подходила к нужному дому.

Марейкис, облаченный в свой прекрасный серый костюм, брезгливо, но с интересом посмотрел на агента наружного наблюдения:

– Не переигрываете? И чем воняет так?

– Никак нет, – с достоинством ответил «матросик», – тут место соответствующее, товарищ, не Красная площадь. А сидеть долго приходится. Как не таись, а все заметно. Вот легенду и разработали с товарищем Мироновым, чтобы для долгого залегания.

Миронов, не глядя на разговаривающих, а только пристально всматриваясь в освещенные окна, одобрительно покачал головой: мол, да, разработали.

– И воняет неспроста. Чтобы поменьше лезли. Я, как народ вечером с работы начал стягиваться по домам, драку затеял у керосиновой лавки. Мне по роже дали, я, конечно, специально подставился, и полбидона керосина на рубаху вылили. Все видели, все натуральненько. А потом как пострадавшему, народ тут душевный, – усмехнулся агент, – еще и стакан поднесли. Я его, понятное дело, пить не стал, сыграл, что в припадке еще, и его тоже на себя опрокинул. Так что теперь меня тут вроде как все знают, а из-за вони даже собаки шарахаются. Для работы – исключительно удобно.

– Здорово, – с искренним восхищением похвалил наружника франтоватый Чен, а тот в ответ внимательно посмотрел ему в лицо очень ясными глазами и ответил неожиданно совсем другим голосом, без пьяного сюсюканья и совсем избавившись от просторечных оборотов:

– Благодарю вас, коллега. Я в молодости, знаете ли, мечтал в театре играть, в оперетте, да не пришлось. Сначала маман не пускала – недостойно дворянина. Потом революция, Гражданская... Вторую студию МХАТ окончил. Сейчас однокурсники мои в театре все – Миша Яншин, Коля Баталов. Но мне, знаете ли, скучно стало. Ставка не та. Там – аплодисменты или яйца тухлые в случае провала. Если, конечно, публика с голодухи их во время спектакля не сожрет. Здесь – жизнь. Коли они, – тут агент слегка кивнул в сторону окон Макина, – никогда не узнают, кто я на самом деле, значит, науку Константина Сергеевича я лучше мхатовских стариков преуспел. Вот так-то. Вы, я вижу, должны меня понимать...

– Какого Константина Сергеевича? – опешил не ожидавший такого поворота Чен. – Станиславского?

– А вы еще у кого-то изволили искусству перевоплощения учиться? – с легкой насмешкой переспросил совсем не пьяный и оказавшийся таким непростым «матросик» и снова поддавил Чена. – У него, разумеется. Я вижу, вы тоже человек не самый обычный.

– Товарищи чекисты, разговор о театре можно считать оконченным? – ехидно поинтересовался Юдин. – Или мы зайдем к фигуранту, расскажем о наших предпочтениях в этом сезоне? Устроим пролетарский диспут, как товарищ Луначарский с попом-патриархом Тихоном?

Оперативники притихли, приглядываясь к освещенным окнам. Ни шума ссоры, ни каких-либо других звуков на улицу не долетало. Юдин задумался на миг, поправил кобуру с наганом и скомандовал:

– Иван Федорович приказал действовать по обстановке. Как старший по званию и должности, принимаю командование на себя. Миронов, будете руководить группой непосредственно во время задержания и обыска. Ваши пусть не высовываются. Включая ученика Станиславского, – усмехнулся беззлобно следователь, – Марейкис, вы остаетесь с группой наблюдения. Пупков, найдите дворника и еще кого-нибудь, будут понятыми.

Через несколько минут чекисты уже стояли перед дверью Макина. Следователь повелительно кивнул, и дворник постучал в дверь. Тишина. Юдин сделал шаг вперед, бабахнул по филенке кулаком и крикнул: «Откройте! ОГПУ». Послышались быстрые шаги, и, едва жало замка повернулось под чьими-то руками, оперативники ударили в нее плечами. Отлетев в глубь коридора, закричала в ужасе миниатюрная, но немолодая уже брюнетка с накрученными на бумажки локонами. Она была в ночной рубашке, поверх которой, выходя открывать, набросила халат. Чекисты быстро пробежали с обнаженными револьверами по всем комнатам. В квартире, кроме брюнетки, никого не было. Только в спальне, на большой кровати с резным подголовьем нашелся почти голый, в одних кальсонах, человек, в страхе прижимавший к себе подушку. На вид ему было около сорока лет, он был небрит, но недавно побрызгался дорогим одеколоном. Снятые очки лежали на тумбочке, и растерянные небольшие глаза на широком лице арестованного с носом-картофелиной испуганно шурились на яркий свет и форму оперативников.

– Вы кто? – Юдин решительно подошел к голому, не опуская нагана в руке. Следователь прекрасно знал, с кем имеет дело, и сознательно давил на психику человека в кальсонах, надеясь получить признание, пока тот был в шоке от внезапного визита вооруженных людей.

– Я хозяин этой квартиры, – вполне связно и на удивление спокойно ответил мужчина, – профессор востоковедения Макин Петр Николаевич. Уверен, товарищи, что вы ошиблись.

– Не ошиблись. Вы не помните меня, Макин? – и следователь сделал шаг к голому профессору. Тот повел глазами в сторону очков, лежавших на тумбочке подле кровати. Получив такое же молчаливое одобрение, взял их и, подавшись вперед, взгляделся в стоявшего перед ним...

– Юдин? Вася? То есть... Василий Иванович?! – профессор радостно улыбнулся, но тут же уголки его рта опустились. – Василий Иванович, что происходит? Почему вы? Что это значит? Ведь мы же с вами... А...

– Он в курсе, – перебил его Юдин. – Он в курсе. Поэтому, Петр Николаевич, вы должны понять, что у нас есть серьезные причины для такого вторжения. Ордер на арест и обыск готовы, вам их предъявят, но пока меня интересуют несколько более срочные вещи. Где вы были последние двое суток?

Макин потерянно сел на кровать, положил подушку на колени. Поднял голову и, убедившись, что жены в комнате нет (оперативники допрашивали ее на кухне, но только для соблюдения формальностей – было понятно, что она ни при чем), виновато понурился:

– Полагаю, вы следили за мной...

– Отвечайте!

– Ездил по стране, – невесело усмехнулся Макин, – путешествовал.

– Когда? Куда? С кем? С какими целями? Рассказывайте подробно!

Макин посмотрел на Юдина:

– Василий Иванович, разрешите надеть брюки? Хоть мы с вами и старые знакомцы, как-то неудобно...

Юдин кивнул, и профессор, быстро одевшись, подсакивая на одной ноге, чтобы попасть в штанину, снова сел на кровать.

– Видите ли, не так давно к нам приехала наша подруга... Собственно, даже не моя, а подруга жены...

– Имя?

– ТрEDIAKовская Людмила Францевна. Она из Владивостока. Работала с Настей, с Эрнестиной – супругой моей – в школе. Они дружили...

– Короче! – Юдин убрал наган в кобуру и придвинул к себе стул. Сел.

– Короче... да. Так вот, она приехала в Москву, совершенно внезапно – искать работу! Я не знал даже... Но Настя согласилась, мы дали приют... А дальше... Что дальше... Не знаю, как-то все закружилось, понесло...

– Про путешествия, – напомнил следователь.

– Ах да, путешествия. Дело в том, что три дня назад мы решили расстаться.

– Кто мы?

– Мы с Люсей. С Людмилой Францевной. Это было трудное решение, вы должны понять... Но скандалы, скандалы – каждый божий день! Настенька нервничала, я страдал, это было невыносимо, невыносимо! И я решил, что Людмила Францевна должна уехать. Вернуться во Владивосток!

– Вы решили? – иронически усмехнулся Юдин.

– Да, я решил! – встрепенулся профессор. – Я решил, и мы уже собрали ей вещи. То есть она сама их, конечно, собрала... И уже хотели ехать на вокзал... И поехали. Да я проводил ее!

– Кто такой Чжоу Юнь Фат? – жестко спросил Юдин.

Макин со страхом посмотрел на него и долго молчал. Следователь не торопил его, но внимательно наблюдал за напряженным и бледным лицом профессора. Тот заговорил:

– Это мой повар. Собственно, бывший повар. Давно уже бывший. Вы должны его помнить по Харбину. Впрочем, вы же не были у нас дома... Да, теперь я понимаю, до меня дошло – вы следили и все знаете, – Макин совсем обмяк и дальше продолжал рассказывать вяло и механически.

– Чжоу пришел, когда мы уже собрались ехать покупать билет. Он ничего не знал. Про нас не знал. Про Владивосток, я хочу сказать. Оказалось, что пришел попрощаться. Случайно. У него уже был билет на поезд. Точнее, два билета. Кто-то из его китайцев должен был ехать вместе с ним, но не поехал, и Чжоу билет сдал.

– Он китаец? – резко переспросил Юдин.

– А кто же еще? – удивился профессор. – Конечно, китаец. Он страшный человек! Василий Иванович, если бы вы знали... Я так не хотел отпускать с ним Людочку! То есть Людмилу Францевну. Но, с другой стороны, все так удачно складывалось. Мы приехали на вокзал, но тут я понял, что не могу... Ревность... Я не могу отпустить ее с этим китайцем! Я должен был быть уверен! Понимаете, уверен! – Макин неожиданно дерзко, с вызовом посмотрел на следователя, но сразу вновь обмяк. – Я побежал в кассы и успел купить еще один билет. В восьмой вагон. В пути хотели поменяться, а ночью, когда я успокоился, то просто сошел в Вятке. Пил там в ресторане долго. Очень... долго пил... А потом добрался до Москвы. Настенька простила... Она простила, понимаете, простила! – снова с вызовом посмотрел профессор на Юдина, но вдруг осекся. Взгляд его остекленел. В дверях стоял оперативник с небольшим деревянным ларцом в руках.

– Товарищ следователь, вот: нашли в кухне на антресолях. Не особо и прятал-то.

Юдин встал, взял шкатулку, взвесил на руке, посмотрел на Макина. Тот сидел, обхватив голову руками, и молчал.

– Пригласите понятых и жену задержанного! – скомандовал Юдин и поставил ящик на стол. Когда все собрались, он спросил хозяина квартиры:

– Что там?

– Не знаю. Это Чжоу оставил. Попросил сберечь до его приезда.

Следователь посмотрел на Эрнестину. Она, пепельно-серая под своими накрученными на бумажные лоскуты кудрями, только отрицательно повела плечами.

Юдин нашел защелку, подцепил крышку. Заглянул внутрь и покрутил головой:

– Да-а... Петр Николаевич, много от вас мог ожидать, но такого... Китаец оставил? Ну проверим. Понятые, смотрим внимательно! – и следователь быстро начал выкладывать на стол содержимое: несколько пачек долларов, полотняную сосиску, которая, упав на стол, развязалась, и из нее выкатилась пара царских червонцев, и картонную коробку. Юдин аккуратно раскрыл коробку и достал из нее несколько пачек патронов и маленький бельгийский браунинг. Поднес его к свету. Блеснула серебряная дощечка: «От Коллегии ОГПУ за доблестную борьбу со шпионажем и контрреволюцией». Вслух следователь читать не стал. Только внимательно посмотрел на Макина. Тот все понял и опустил плечи.

– Китаец, значит, оставил? Уведите понятых и супругу! – скомандовал Юдин и, дождавшись, пока они останутся одни, наклонился к профессору и очень тихо сказал:

– А теперь, Петр Николаевич, вы мне расскажете, зачем к вам сюда приезжали Охаси и Огата, о чем вы тут разговаривали и какую роль в этой истории играла ваша любовница Людочка.

Макин в ужасе посмотрел на него, обхватил лицо руками и заплакал.

Незаметно вошедший в квартиру вслед за чекистами Арсений Чен в это время неподвижно стоял перед большим книжным шкафом. Марейкис неотрывно смотрел на корешок толстой книги, выступавшей на средней полке. На корешке по-японски было написано «Основы конфуцианской этики в изложении учителя Сакамото». Чен наконец смог расслабить судорожно сжатые челюсти, аккуратно открыл дверцу шкафа, достал книгу, сунул ее себе за пазуху и, никем не замеченный, вышел на улицу.

Глава 4. Корейский мальчик

Москва, Zubовский бульвар, 1964 год

– Ниндзя существуют. Почему бы и нет? Или не существуют. Нет проблемы в том, что ниндзя есть или их нет. Есть проблема в том, что мы имеем в виду под этим понятием, – хозяин квартиры с улыбкой, но, не глядя ни на кого, долил себе в маленькую, очень чистую чашечку из старого и на вид очень грязного, закопченного металлического чайника светло-зеленую жидкость с запахом рыбьей чешуи, с наслаждением втянул ее, чуть прищепывая губами, в себя. Умиротворенно прикрыл глаза. На вид ему было от 60 до 70 лет – никак не представлялось возможным установить точно возраст хозяина квартиры. Виной тому была его ярко выраженная восточная внешность и странная для этого места и времени манера одеваться. Он был высок ростом, очень худ, но широк в плечах, как это часто бывает у дальневосточных народов. Если бы не слишком маленький нос, лицо его – очень интеллигентное, с высоким и широким лбом – походило бы на лицо вождя племени апачей из американских фильмов.

Несмотря на жару и тот факт, что хозяин принимал гостей в своей квартире – по-домашнему, без изысков, – одет он был в светло-серую пиджачную пару, отглаженную так, что сама возможность двигаться в таком костюме, не смяв при этом ни одной бритвенно острой стрелки, вызвала серьезные сомнения. Под пиджаком сияла белая сорочка из тех, какие нынче можно увидеть либо в музее, либо на дирижере из консерватории, а жилистая желтая шея была увенчана галстуком-бабочкой, цвет и рисунок которого соответствовали расцветке платка, кокетливо торчавшего из нагрудного кармана пиджака, и рождала у гостей один и тот же эпитет: «благородный».

Гостям было неуютно. Несмотря на то что комната в квартире была немаленькая и проходная, а окна, распахнутые на Zubовский бульвар, давали сквозняк, все равно было жарко. Гости скромно молчали, но втайне хранили уверенность, что виной всему был отвратительный на вкус и на запах зеленый чай. Трое молодых аспирантов, специализирующихся на переводах древних литературных трактатов с японского языка, никогда не бывавших в Японии и не видевших никаких перспектив посетить эту страну до победы мирового коммунизма, пили чай непрерывно, столь же непрерывно покрываясь мелкими бисеринками пота на здоровых и высоких молодых лбах. Молоденькая красotka южных, закавказских корней с интересом, но несколько рассеянно разглядывала комнату, главным украшением которой были бесконечные книжные стеллажи, шкафы и даже какие-то мини-полки с книгами. На некоторых полочках умещалось всего по два-три томика в черных и коричневых кожаных обложечках со следами золотого тиснения на корешках и торчащими с боков закладками, а поверх обязательно лежали какие-то похожие на тетради светло-голубые книжечки с иероглифами на обратной стороне обложки. От обилия красивой и дорогой печатной продукции казалось, что комната заполнена ею доверху, и в какой-то момент книги, как волны через палубу, перехлестнут через окно и выплеснутся наружу, в знойный московский день.

Только один из приглашенных – а все они были созданы в гости к знаменитому советскому писателю-детективщику после его диспута в Библиотеке имени Ленина, – пухлый и начинающий лысеть, но очень жизнелюбивый на вид, активный, небритый молодой человек лет тридцати в распахнутой на волосатой груди рубашке с короткими рукавами, непрерывно строчил что-то у себя в блокноте дорогой авторучкой, время от времени задавая хозяину уточняющие вопросы.

– Что вы имеете в виду, Арсений Тимофеевич? – снова спросил он мужчину в уникальном костюме, к восточной внешности которого ужасно не шло это русское имя.

– Я имею в виду, что феномен ниндзя можно рассматривать с историко-культурной точки зрения, – он внимательно посмотрел на аспирантов. Те подобались. – А можно с точки зрения

специальной, со стороны тайных служб или, например, авторов детективов. В первом случае мы будем говорить о представителях тайных японских кланов. Тех, что за деньги нанимались на службу японским феодалам и занимались по их заданию шпионажем, слежкой и даже тайными убийствами. У таких – традиционных, назовем их так – ниндзя существовала соответствующая экипировка. Может быть, даже специальные костюмы и маски, специальное снаряжение, не применявшееся больше никем, кроме, пожалуй, профессиональных воров. Кстати, это вполне объяснимо. Ведь кража есть кража – секретов ли, денег – все равно это воровство. Просто заказчики разные и разная цена победы. А главное – цена поражения... И сама по себе тактика боя тоже соответствовала целям и задачам синоби – так правильнее будет называть ниндзя. Тихое убийство, которое не привлекает внимания или же вообще не замечается никем, потому что правильно исполнено и замаскировано под отравление, например. Или специально совершенствуемое умение определить, где у нужного человека в доме тайник, как найти его и вскрыть так, чтобы хозяин это не заметил. А вскрыв, суметь быстро прочесть, очень точно запомнить, а при необходимости и дешифровать важный текст, чтобы потом, наоборот, зашифровать его уже своей, неизвестной более никому системой тайных знаков и отправить нанимателю.

– Интересно, – пухлый жизнелюб погрыз кончик «Паркера», безгловато глянул в чашку с зеленым чаем и внимательно посмотрел на хозяина квартиры, – но что-то это все напоминает.

– Разумеется, – невесело усмехнулся Арсений Тимофеевич и бросил печальный взгляд на потную волосатую грудь собеседника, – разумеется, напоминает. Ведь если убрать особой формы мечи, черные костюмы и умение вскарабкиваться по стенам японских замков, что, скорее всего, лишь легенды, сложенные нашими современниками, а не реальная история синоби, то окажется, что ровно те же самые навыки необходимы представителям любой тайной службы. И чем непрофессиональнее эта служба, тем более ей необходимы именно атрибуты, а не тихая, незаметная и совсем неромантическая работа в кабинете. Ручка, вот вроде вашего «Паркера», а не меч, сообразительность, а не стрельба по-македонски – вот отличительные признаки профессионализма спецслужбы!

– Не понял, – удивился молодой мужчина с дорогой авторучкой, – почему? Разве наличие в органах госбезопасности такого подразделения специального назначения, пусть они называются ниндзя, не важно, где люди умеют драться, владеть любым видом оружия, не свидетельствует о высоком уровне его подготовки?

– Наличие такого подразделения будет свидетельствовать о неспособности этой службы, а шире – государства грамотно отслеживать действия своих противников и предотвращать возможные активные мероприятия силами разведки. Предотвращать! В крайнем случае это будет говорить о том, что государство не в состоянии это делать по объективным причинам, например во время войны. Тут не до сантиментов. Но разведка – настоящая элита тайной службы. Если синоби, или пусть они будут ниндзя, и существуют сегодня, то речь может идти только о разведчиках, а не о героях типа великобританского Джеймса Бонда или еще кого-нибудь в том же духе, которых так любите вы, журналисты, – и Арсений Тимофеевич широко улыбнулся, но почему-то не молодому человеку, а начавшей клевать носом от слишком мужской темы разговора красавице армянке. – Правда, это будут очень хорошие разведчики, с широкими возможностями, которые дадут им разнообразные профессиональные навыки. Я уж не говорю об особом складе характера, который нужен для этой профессии, – не авантюром, но... Я называю таких людей игровиками.

– Ну, я не очень люблю Бонда, это не мой профиль, – неожиданно столь же обаятельно, как и хозяин квартиры, улыбнувшись, ответил молодой человек, профессия которого, наконец, прояснилась, – и потом я не только журналист. Я ведь отчасти ваш коллега – восточник. Тоже окончил институт востоковедения. Только моя специальность – Ближний Восток, а не Дальний. Но неужели вы верите, Арсений Тимофеевич, в возможность существования таких

подразделений, допустим, в вашей любимой Японии? Сегодня, когда там принята мирная конституция, запрещающая даже думать о войне? Неужели там есть такие «игровики» в черных масках? Я понимаю, еще во времена японской оккупации нашего советского Дальнего Востока – это да. Вы же, кстати, из Владивостока, правильно? А вы были там во время оккупации? Видели ниндзя?

Арсений Тимофеевич замахал руками под напором энергичного журналиста и засмеялся:

– Не видел! Во всяком случае, тех, о которых пишут ушлые американские писаки. И если вы когда-нибудь прочитаете о том, что они там были или увидите фильм о прыгающих по приморской тайге японцах в черных балахонах, знайте: автор – пройдоха! Не было у синоби черных балахонов. И слава богу... Хотите еще чайку? Прекрасный гэммайча, мне друзья привезли. Нет? Напрасно, а я люблю, – но чай заваривать не пошел, а неожиданно посерьезнев, ответил на вопрос, поняв, что коллега-востоковед просто так не отстанет, – да, я был там. Все думаю описать эти события в очередной повести или, может быть, рассказе, но... Знаете, ниндзя я там не видел, но ваших коллег, прекрасно выполняющих эту функцию, встречал, – хозяин встал и отправился на кухню ставить чайник.

Оставшись одни, гости принялись благоговейно разглядывать потемневшие корешки бесчисленных книг, потом зашушукались. Лишь один журналист-восточник, задумчиво посмотрев вслед вышедшему хозяину, вновь продолжил что-то пометать в своем блокнотике.

– Ты слышала, он во Владивостоке был во время японской оккупации!

– А ты что-то знаешь про этих ниндзя?

– Мне кажется, я где-то читала... Может быть, у Пильняка... Или у Конрада?

– Ты читала вообще, что про него в книгах написано? Про Чена? Учился в Японии. Понимаешь, в Японии! Был связан со спецслужбами! Он сто процентов наш советский разведчик!

Стоявший на кухне хозяин слышал каждое слово, произнесенное в гостиной, но лицо его оставалось непроницаемо, и только кончики красивых пухлых губ слегка кривились в улыбке. Вернувшись в комнату, он принялся выделывать загадочные пассы с чайником перед изумленными и втайне надеявшимися на то, что им не достанется порции гэммайча, гостями. Опустившись в кресло, Арсений Тимофеевич с наслаждением отхлебнул из чашки свежесваренного чая.

– Вы не оговорились, Арсений Тимофеевич? – напомнил ему окончание разговора журналист. – наших коллег? Вы, конечно, имеете в виду востоковедов?

– Отнюдь. Я имею в виду ваших коллег. Журналистов. В самом начале двадцатых, когда в Приморье еще вовсю шла Гражданская война, во Владивостоке было много талантливых японистов. Правда, работа для них была весьма своеобразная. В городе тогда стояли японские войска, и большинство наших с вами коллег служили переводчиками в разных японских штабах. Да, еще в правительстве братьев Меркуловых было создано статистическое бюро, где занимались отнюдь не статистикой. Это было настоящее высокопрофессиональное разведывательное бюро. Возглавлял его полковник Цепушелов...

– Беляк? – не выдержал самый молодой из аспирантов.

– Почему беляк? – поперхнулся чаем Арсений Тимофеевич. – Впрочем, да. Беляк, конечно. Но еще и опытный кореевед и японист. Да и многие другие ученые служили, ну или были связаны с этим бюро. Работа-то там была интересная. Поинтереснее, чем во многих нынешних институтах. Там, друзья мои, теория каждый день проверялась практикой. А если решение было неверное, что вместо «неуда», как на экзамене, или «черного шара», как на защите диссертации, провалившегося могла ждать тюрьма, а то и вовсе – пуля. Руководил нашими коллегами очень знающий специалист – профессор Спальвин. Сложный человек был по характеру, ладить с ним было почти невозможно, но специалист прекрасный. Женат был на японке, да в конце концов в Японию и уехал...

– А вы тоже там служили? – снова не выдержал аспирант.

– Нет, Виктор, – с улыбкой ответил хозяин квартиры, – в то героическое время я был крайне мал. Не скажу, что я был дитя, но мне было примерно столько же лет, сколько вам сейчас. Я еще учился в Восточном институте и только подрабатывал в информационном центре правительства Приморья – помогал журналистам переводить статьи из японских газет.

– То есть разведкой конкретно вы не занимались? – с усмешкой предположил бородатый журналист.

Профессор пропустил вопрос молодого коллеги мимо ушей, еще отхлебнул из чашечки и продолжил:

– Там был у нас один очень интересный человек... Тоже журналист, молодой, мне ровесник – года двадцать два – двадцать три, но видно, что опытный сотрудник...

– Сотрудник чего?

– Скорее кого. Сотрудник Блюхера. Тот командовал тогда большевистскими войсками на Дальнем Востоке и был влиятельнейшей фигурой. Ведь по договору с Дальневосточной республикой Советская Россия не могла напрямую заниматься разведкой в Приморье. Но, конечно, военные, Красная Армия, все равно пытались узнать как можно больше о планах белогвардейцев. Опыта, понятное дело, не хватало. Кто тогда был военными разведчиками? Бывшие следователи, механики. Образование, в лучшем случае ЦПШ...

– Простите, что?

– Церковно-приходская школа. А состязаться приходилось с тем же полковником Цепушловым – умничкой, выпускником академии, участником войны. Брили красных разведчиков пачками. Правда, многих и отпускали сразу – пытались тогда еще придерживаться норм закона, искали доказательства, а они – доказательства эти – все в тайге. Поди найди!

– Вы так говорите, как будто симпатизируете белякам, – не удержался один из аспирантов.

– А что вы думаете? – хозяин еще отхлебнул чаю и строго посмотрел на молодежь. – Там были очень серьезные, умные и по-своему благородные люди. И, если бы у нас не было таких же, мы бы никогда не выиграли в этой борьбе. Хотя, конечно, нам таких людей, серьезных, образованных и благородных, все же явно не хватало. Вот и присылали из центра, из Москвы. Тот молодой человек, которого я упомянул, тоже приехал к Блюхеру из Москвы. Его послал сам Дзержинский.

– То есть журналист на самом деле был чекистом? – уточнил бородатый.

– Да.

– А как его фамилия?

– Ну... Зачем вам его фамилия? Могу сказать только, что звали этого интеллигентного молодого человека, в прошлом, кстати, колчаковского офицера, Максимом Максимовичем.

– Как у Лермонтова? – спросила девушка.

– Верно, совсем как у Лермонтова. Хотя я и не уверен, что это было его настоящее имя. Думаю, у него их было довольно много.

– А откуда вы его знали, Арсений Тимофеевич?

– Я же сказал: мы работали вместе. В информационном центре правительства братьев Меркуловых. И не только. Дело в том, что Максиму Максимовичу нужен был человек во Владивостоке, уже имеющий какие-то связи, а главное, говорящий по-японски, – информация из штаба японских оккупационных сил, из консульства очень интересовала и Блюхера, и Дзержинского.

– И вы... – молодые люди, не исключая и красавицы армянки, с обожанием посмотрели на хозяина квартиры.

– Да, и я стал его связным. Вернее, как тогда говорили, «секретным связистом».

Гости замолчали на время, а потом молоденький аспирант по имени Виктор спросил:

– Вы сказали, что уже тогда знали японский язык? Вы же еще учились в институте в то время?

Бородатый журналист задумчиво добавил:

– И откуда у студента нужные Дзержинскому или его агенту связи?

– Я учился в Японии. Вы, наверное, это знаете...

– Знаем, – подтвердили аспиранты.

– Но это не объясняет наличия нужных ЧК контактов, – пристально глядя на Чена, снова заметил бородатый журналист, а Чен отметил про себя, что сейчас его собеседнику очень пошла бы сигара в одной руке и бокал виски в другой, но вслух сказал:

– Вы думаете? Вы ошибаетесь, – и мягко улыбнулся.

Токио, 13 сентября 39-го года эпохи Мэйдзи (1906-й – по европейскому летоисчислению)

Токийский вокзал Симбаси не был похож на привычный владивостокский и не показался Арсению таким уже красивым и великолепным, как рассказывал про него отец. Пожалуй, даже здорово проигрывал – хотя последние полтора часа поезд шел по самой кромке Токийского залива, перед самым вокзалом уже не было моря, не качались на океанских волнах парусники и джонки, не стояли боевые корабли, а само здание станции более всего походило на средних размеров магазин. Впрочем, и во Владивостоке боевые корабли тоже теперь не стояли – большую часть японцы потопили в прошлом году под Порт-Артуром. Тех, которых русский царь прислал на замену, японцы снова утопили – уже под Цусимой. Едва живой пришел крейсерок «Алмаз» да еще пара суденышек, чудом спасшихся от огня японских линкоров. Бухта Золотой Рог выглядела теперь пустой, хотя и была заполнена торговыми и рыбацкими шхунами. Но это все было не то, что раньше. Теперь обе русские эскадры – и Первая, и Вторая – лежали на дне моря, отправленные туда по воле японского адмирала со смешной фамилией Того.

Пароход, на котором Арсений Чен с отцом прибыли в Японию, шел в Цуругу – порт хотя и оживленный, но маленький и какой-то совсем-совсем азиатский. А вот когда уже подъезжали к Токию, остановились в Йокогаме – городе большом, красивом, современном. Одно слово – Европа! Из окна было видно красивую, как на картинке, бухту, много пароходов, но отец сказал, что это ерунда. Императорский флот великой Японии стоит сейчас в Йокосуке – это чуть дальше Йокогамы, но поезд через нее не идет – надо специально ехать. Там, в Йокосуке, вместе с героическими японскими линкорами и эсминцами пришвартованы и грозные трофеи – бывшие русские крейсера и броненосцы «Николай I», «Пересвет», «Апраксин» и «Варяг». Про последний Арсений слышал, хоть и был совсем маленьким, два года назад – пяти лет еще не исполнилось, но слово это – «Варяг» – звучало тогда в городе на каждом шагу, со всех улиц, со всех углов. Говорили, что корабль этот – герой, подвиг совершил. Что за подвиг, Арсений не знал и удивлялся, почему русский герой стоит теперь в японском порту Йокосука. Отец сказал просто: «трофей», а в их семье лишних вопросов задавать не было принято, даже если тебе всего семь лет от роду и ты понятия не имеешь, что такое трофей.

Трофей вообще противное слово, отдает чем-то трупным. Непонятно почему, когда сошли с поезда и поехали на рикше в интернат, все время говорили про трофеи – отец сетовал на то, что не могут проехать через Дворцовую площадь – не по пути. А между тем, рассказывал родитель, на огромной площади перед дворцом императора Японии стояли русские пушки, специально построенные по такому случаю ангары с винтовками, саблями, казачьими пиками, отнятыми у государственной армии на маньчжурских полях. Хотели даже было поехать туда сначала, но все же передумали: и вещей много, и устали, и жара стояла страшная – во Владивостоке такой не бывает. Рикша, коричневый и высушенный на жарком солнце до состояния стрекозы, что была приколоты булавкой в комнате Арсения во Владивостоке, не сбавлял шага. Только широкополая шляпа покачивалась в такт бегу. Глядя на ее качающиеся соломенные

поля, на равномерно мелькающие пятки рикши, Арсений почувствовал, что у него кружится голова, укачивало. Отец же неумоимо продолжал свои наставления:

– В первую очередь думай о вежливости, о ритуале! У них это называется «рэй». Рэй – первым делом. Наша семья занимает очень высокое положение, и все же то, что тебя приняли в эту школу, – большая честь не только для тебя, но и для всей нашей семьи! Надо помнить об этом всегда.

Арсений послушно хмыкал, кивал маленькой стриженной головкой, удивляясь тому, как хорошо отец все знает про Японию, и тому, как неумоимо бежит по раскаленному булыжнику рикша («А у нас не прижились! Еще бы – Владивосток – не ваш Токио, у нас вон какие сопки крутые и высокие!»), тому, как красиво сочетается на улицах вокруг Европа и Азия.

Рикша протрусил мимо какого-то красивого парка, спускавшегося с крутых склонов холма. Наверх вела такая крутая каменная лестница, что, как ни ерзал, как ни старался Арсений заглянуть снизу вверх, чтобы увидеть, что там, на вершине, ничего не получилось. Вход на лестницу был обрамлен высокими и тоже каменными воротами. Было понятно, что это именно ворота – чем еще могут быть два столба с перекладиной поверх, если сквозь проходит дорога, но вот ни забора вокруг, ни собственно воротин не было. Отца Арсений о странных воротах спрашивать не стал – мутило так, что не хотелось говорить совсем. Только подумал, что если в Токио есть ворота нормальные, обычные (путешественники проезжали мимо огромного и очень красивого храма с большими красными воротами), то почему бы и не быть таким странным? Ну, нет забора... А может, они и не воруют друг у друга? Тут у японцев все не так, не как у людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.